

Майя Андреевна Ядова✉

канд. социол. наук, зав. отделом социологии и социальной психологии, Институт научной информации по общественным наукам РАН. Россия, 117418, Москва, Нахимовский пр-т, 51/21;
e-mail: m.yadova@mail.ru

**ЖИЗНЕННЫЕ ТРАЕКТОРИИ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ
В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ**

Статья посвящена специфике жизненных траекторий городской молодежи в России и зарубежных странах. Автор, опираясь на результаты ряда социальных исследований, отмечает ключевые тенденции взросления современной городской молодежи: удлинение периода транзита от юности к зрелости, большая свобода выбора жизненного пути, дестандартизация и нелинейность жизненных траекторий, ориентация на получение высшего образования. Показано, что на модели взросления в эпоху постсовременности влияют определенные региональные и социокультурные условия жизни. Для россиян, проживающих в столице и больших городах, характерна модель взросления, похожая на общеевропейскую. Процесс взросления жителей малых городов имеет особую специфику. Уделяется внимание социальным и личностным ресурсам, способствующим достижению успеха, исследуются новые концепции, дополняющие теорию социального капитала, анализируются альтернативные модели успешности в российском обществе и за рубежом. Автор предлагает рассматривать российские города как социокультурный феномен, который способствует формированию особой системы ценностей, взглядов и поведенческих установок; нередко это позволяет говорить об уникальном ценностном портрете жителей в том или ином городе молодежи.

Ключевые слова: городская молодежь, миллениалы и центениалы, российская молодежь, тенденции взросления, жизненные траектории.

Для цитирования: Ядова М. А. Жизненные траектории городской молодежи в России и за рубежом // Социология города. 2023. № 1. С. 20—29. DOI: 10.35211/19943520_2023_1_20

Введение в проблему

В эпоху поздней современности выбор жизненного пути и образа жизни молодежью становится максимально нестандартным, что позволяет говорить об особых трендах взросления. Сразу поясним, что под современной молодежью мы будем понимать прежде всего поколение миллениалов и представителей старшей когорты следующих за ними центениалов¹. Эту возрастную группу отличают от предшествующих поколений следующие черты: замед-

---

¹ Напомним, что миллениалами (от лат. *millennium* — тысячелетие) обычно называют поколение, период взросления которого пришелся на рубеж XX—XXI вв. Скоро их сменяют центениалы (или зумеры), которые, согласно многим экспертным оценкам, пока демонстрируют усиленные черты миллениалов, в связи с чем центениалов нередко называют постмиллениалами.

ленный транзит от юности к взрослости, разнообразие биографических «маршрутов», более длительный период обучения, определенная цикличность жизненных событий (например, неоднократные возвращения в прежние статусы на протяжении всей жизни человека: например, в студенческий, статус условного «ребенка» — при потере финансовой самостоятельности и возвращении в отчий дом и пр.), а также высокий уровень цифровой компетентности (Castells, 2012; Serracant, 2015; Радаев, 2019). Американский психолог Дж. Арнетт предлагает называть возраст от 18 до 30 лет периодом «зарождающейся взрослости» (*emerging adulthood*), отмечая асинхронность и позднее наступление ключевых стартовых событий в жизни современной молодежи (трудоустройство, вступление в брак, время сепарации от родителей и рождения первого ребенка) (Arnett, 2000). Внимание к этому затянувшемуся возрастному транзиту со стороны социальных исследователей настолько велико, что в США, например, уже 10 лет существует международный междисциплинарный научный журнал «Emerging Adulthood», посвященный вопросам взросления и адаптации к «новому статусу» молодежи разных стран мира.

Рассуждая об особых тенденциях взросления в XXI в., необходимо отметить, что они изменяются под воздействием специфических условий проживания человека. Так, представляется интересной концепция, основывающаяся на гипотезе о прямой связи тенденций взросления со сложившимися в разных странах режимами социального обеспечения (Esping-Andersen, 2015; Serracant, 2015; Walther, 2006). Например, в англосаксонских странах традиционны раннее отделение от родительской семьи и начало трудовой деятельности, в государствах Северной Европы, отличающихся сильной системой социальной поддержки, молодежи дается время на длительный поиск себя (Serracant, 2015: 41—42). В обществах со слабой государственной системой социального обеспечения или с сильными семейными традициями (страны Южной Европы, Латинской Америки, афро-азиатского региона) принято в первую очередь опираться на собственные ресурсы и поддержку семьи (Ibid). Помимо этого есть страны, которым свойственны глокальные модели взросления, подразумевающие сочетание глобальных поколенческих трендов и специфических локальных особенностей. Думается, к таким обществам можно отнести и российское, причем в силу традиционного для России регионального расслоения целесообразно говорить о различающихся между собой моделях взросления в зависимости от конкретного места проживания (столица/мегаполис/большой или малый город/сельская местность): горожане, а особенно жители столицы и мегаполисов, обычно выстраивают свой жизненный путь отличным от молодых сельчан образом.

Жизненные траектории городской молодежи в контексте глобальных и локальных тенденций взросления

По мнению большинства исследователей, для нашей страны характерны общеевропейские и региональные тренды взросления. Отечественный демограф Е. С. Митрофанова справедливо замечает, что сегодня модель взросления молодых россиян, проживающих в столице и больших городах, композиционно схожа с европейской (хотя существуют различия в динамике): они так же, как и их европейские сверстники, откладывают некоторые демографиче-

ские события «на потом», ориентируясь в первую очередь на получение высшего образования и построение карьеры (Митрофанова, 2019).

Результаты социологических исследований подтверждают (Portes, 1998; Ядов, 2001), что достижение жизненного успеха неразрывно связано с наличием у человека определенного набора индивидуальных и социальных ресурсов. Заметим, что молодой возраст и проживание в крупном городе представляют собой естественные ресурсы, повышающие шансы на жизненный успех: молодежь, как правило, обладает хорошими адаптационными способностями, а реализовать себя ей проще в том месте, где для этого больше возможностей. Кроме того, сильными социальными и личностными ресурсами личности считают базовый капитал, связанный со статусом родительской семьи, высокий уровень образования и профессиональной подготовки, относительное материальное благополучие, наличие обширной сети межличностных связей и знакомств, психологическая адаптивность, способность брать ответственность не только за свои достижения, но и за ошибки (Ядов, 2001: 314—317).

Результаты опросов отечественной молодежи за последние 10—15 лет свидетельствуют о том, что на получение высшего образования ориентировано большинство старшеклассников, проживающих в больших городах, порой независимо от социального и материального положения своей семьи. Так, интересные данные получены исследователями, изучавшими выпускников средних школ Новосибирска: оказалось, что в этом городе с каждым годом растет число выпускников 11-летней средней школы, выросших в слабых ресурсных семьях (дети рабочих, работников сферы услуг и т. п.) (Константиновский и др., 2015).

Отечественные и зарубежные социологи выделяют прерывистые, непрерывные (сочетающие учебу и работу), рекурсивные (подразумевающие периодическое возвращение на студенческую скамью) образовательные траектории современной молодежи. Как правило, привилегированные стартовые позиции при выборе первого профессионального образования имеет молодежь из сильноресурсных семей. В некоторых восточных обществах (например, в Японии), в которых сильны традиции и распространена практика работы на одном месте в течение всей жизни, трудности с получением изначально достойного образования, позволяющего занять хорошую позицию на рынке труда, могут поставить крест на всей последующей карьере (Oshima, 2012). Впрочем, у молодых россиян и европейцев иные проблемы: для них практика достаточно долгого поиска подходящей работы после получения профессионального образования даже в престижном вузе считается нормальной и не говорит о жизненной неуспешности (Quand l'École est finie..., 2014). Результаты глубинных интервью, проведенных автором настоящей статьи с представителями постсоветской молодежи, показали, что они часто выбирают нестандартную занятость, которая дает возможность совмещать работу и учебу (Ядова, 2017). В целом современную молодежь как в России, так и за рубежом привлекает так называемый калейдоскопный тип карьеры — трудовая стратегия, позволяющая гибко выстраивать профессиональный маршрут человека с учетом изменений в его жизненном сценарии (там же; Mainiero, Sullivan, 2006). Вероятно, умение приспосабливаться к диктуемым жизнью социальным условиям и одновременно учитывать «индивидуальное» и «со-

циальное» в развитии карьеры — одна из наиболее сложных задач, поставленных перед современной молодежью.

Кроме того, представляется важным анализировать образовательные и профессиональные траектории молодежи с опорой на новые концепции личного и социального капитала. Так, интересна идея аспирационного капитала (*aspirational capital*), под которым британская исследовательница Т. Басит (Basit, 2012) предлагает понимать как высокие карьерные амбиции самих молодых людей, так и позитивный настрой в этом отношении их родных. По убеждению Т. Басит, аспирационный капитал иногда может заменить недостающие социальные ресурсы в небогатых и не относящихся к высокостатусным семьям.

Представляет интерес и концепция так называемого мобильного капитала. Например, социальные исследователи А. Ху (Гонконг) и Д. Кернс (Португалия) (Hu, Cairns, 2017), изучавшие преимущества и недостатки академической миграции китайских студентов в Европу, обнаружили, что не всегда полученное за рубежом образование (даже вполне достойное) становится реальным «мобильным капиталом», иногда это не приводит к ожидаемому карьерному успеху на родине. Отчасти, на наш взгляд, это можно объяснить социокультурными особенностями и социально-политической конъюнктурой, сложившимися в родной стране выпускника зарубежного вуза. Например, к похожим выводам пришли авторы исследования о жизненных траекториях молодежи крупных городов Западной Африки, которое проведено под руководством известного французского африканиста А. Мари (*L'Afrique des individus...*, 1997). Исследователи обнаружили, что полученное молодыми африканцами университетское образование, как правило, не помогает найти соответствующую их высокому уровню квалификации работу и тем самым не окупает вложений в образование, сделанных их родителями. Примечательно, что эта тенденция повлияла на взаимоотношения «отцов» и «детей» и послужила триггером для ослабления патерналистских традиций во многих странах Африки. Вероятно, стоит ожидать подобных процессов на фоне сегодняшнего беспрецедентного похолодания отношений между Россией и странами Запада: в зависимости от политической ситуации в той или иной стране в отдельных случаях получение диплома в «недружественном» государстве может стать фактором ослабления, а не укрепления карьеры.

Рассуждая об успешных и неуспешных трудовых траекториях, отметим и такое явление, как дауншифтинг — образ жизни, подразумевающий добровольный отказ от карьерной гонки и стандартов общества потребления, иногда трактуется как жизненный проигрыш. Вместе с тем результаты многих последних отечественных и зарубежных исследований на эту тему дают возможность рассматривать его как специфический жизненный стиль, альтернативную модель успешности и творческую практику (см., например: Торотова, 2020). Закономерно наибольшее распространение дауншифтинг получил в странах с высоким уровнем потребления — в США, Великобритании, Германии, Австралии и др. В России и других постсоветских государствах идеи дауншифтинга не очень популярны из-за невысокого уровня жизни их населения в целом, однако есть социальная группа, многие представители которой достаточно позитивно оценивают жизненную стратегию дауншифтеров — это прежде всего молодежь крупных городов (Там же).

Также заслуживает внимания тема трансформаций института семьи и брака, вызванных усилением урбанизационных и модернизационных процессов во многих странах, эти изменения особенно затрагивают городское население. По всему миру наблюдается увеличение числа незарегистрированных союзов, среднего возраста вступления в брак и рождения первого ребенка; переживают трансформации паттерны брачно-партнерских, детско-родительских взаимоотношений; усилился процесс «второго демографического перехода», наметился отход от нуклеарной семьи к дезорганизованной (Гурко, 2016; Chambers, 2012). Любопытно проследить, как за последние годы трансформировались общепринятые представления о должном в материнском и отцовском поведении. Так, на поведенческие паттерны современных матерей серьезное влияние оказывают транслируемые в массовой культуре образцы поведения «суперматери», якобы легко совмещающей материнство и успешную карьеру (Orgad, 2017). Даже в традиционно ориентированных обществах набирают популярность взгляды, предполагающие активное участие отца в воспитании с первых дней жизни ребенка. Французская исследовательница А. Марсьяль (Martial, 2012), изучая постразводные траектории отцовства в современной Франции, обнаружила, что разведенные молодые отцы болезненно переживают утрату контактов с ребенком, поэтому нередко готовы бороться с бывшей женой за восстановление общения с ребенком. Для многих из них наиболее приемлемой формой детско-родительских отношений в разведенных семьях является проживание ребенка попеременно то с матерью, то с отцом.

Жизненное и городское пространство молодежи в XXI в.: грани взаимодействия

Наверное, трудно не согласиться с утверждением о том, что современный город представляет собой социокультурный феномен, который способствует формированию особой системы ценностей, взглядов и поведенческих установок его жителей. Это позволяет некоторым ювентологам говорить об уникальном ценностном портрете живущей в том или ином городе молодежи, особенно эта идея верна в отношении российских городов с их самобытным разнообразием.

Проиллюстрируем данную мысль на примере масштабного проекта под руководством известного отечественного социолога Е. Л. Омельченко «Созидательные поля межэтнического взаимодействия и молодежные культурные сцены российских городов» (2015—2017), результаты которого нашли отражение в коллективной монографии «Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности» (Молодежь в городе..., 2020). В этой работе впервые предпринимается попытка комплексно изучить, как пересекаются между собой разные «измерения» коллективных идентичностей молодых россиян-горожан. Авторы книги предлагают изучать формы взаимодействия молодежи с городским пространством в рамках категории «молодежные культурные сцены» (МКС). Ключевая тема проекта — проблема межэтнических контактов и конфликтов внутри различных МКС в отличающихся по этнорелигиозному составу городских пространствах — в Санкт-Петербурге, Казани, Ульяновске и Махачкале. В данном случае Махачкала и Казань представляют мусульманские регионы с разной историей межэтнических взаимодействий.

Выбор Санкт-Петербурга обусловлен его «столичным» статусом и широким спектром имеющихся в нем МКС. В свою очередь Ульяновск являет пример достаточно крупного многонационального провинциального города. Объектом исследования стала преимущественно студенческая молодежь в возрасте 18—22 лет, в отдельных случаях участниками проекта были юноши и девушки более старшего возраста. Кстати, авторы предостерегают читателей от соблазна отождествить МКС с теми или иными молодежными субкультурами: по их словам, МКС охватывают практически всю молодежь, в отличие от субкультурных сообществ.

Итак, обратимся к некоторым данным массовых социологических опросов молодых жителей названных городов. Социолог О. Елкина, анализируя результаты опроса студентов вузов и ссузов, проведенного Центром молодежных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г. в Санкт-Петербурге, Ульяновске, Казани и Махачкале ($N = 3200$), обнаружила, что «картины мира» молодых жителей каждого из названных городов настолько специфичны, что впору говорить об «уникальном ценностном портрете живущей там молодежи» (Елкина, 2020: 185). Например, молодежь Ульяновска наряду с лояльностью к власти проявляет ксенофобные установки, для молодых петербуржцев оказались более близкими, чем для респондентов из других городов, ценности гендерного равенства и сексуальной свободы, студентов Казани отличают ориентация на пацифизм, а молодых махачкалинцев — приверженность патриархально-религиозным ценностям (Там же). Поэтому, по словам О. Елкиной, сегодня ключевыми в формировании молодежной идентичности «становятся локальные, традиционные ценности, характерные для конкретного города» (Там же: 197). О схожих результатах пишут М. Кулева и Ю. Субботина, изучавшие специфику культурных предпочтений молодых жителей Санкт-Петербурга, Ульяновска, Казани и Махачкалы (Кулева, Субботина, 2020).

Достаточно новые и креативные форматы взаимодействия с городским пространством найдены молодежью в период пандемии COVID-19, нередко именно представители младших поколений становились источником интересных антиковидных инициатив и флешмобов. Во время пандемийных локдаунов молодежные волонтерские сообщества активно поддерживали людей (прежде всего пожилых), нуждавшихся в практической и информационной помощи. Особенно много работы было в больших городах и мегаполисах, пожилые жители которых оказались буквально запертыми в своих квартирах и вряд ли были бы в состоянии справиться с катастрофическими последствиями пандемии без посторонней помощи. По словам некоторых экспертов, в волонтерскую работу во время пандемии в той или иной степени был вовлечен каждый четвертый юноша или девушка по всему миру (Youth & COVID-19..., 2020: 37).

Выводы

Подводя итоги, отметим, что жизненные траектории в эпоху постсовременности характеризуются вариативностью, динамизмом и парадоксальностью. Закономерное усиление процесса урбанизации делает городскую молодежь одним из ключевых акторов общественных преобразований. Молодые горожане в России и за рубежом становятся своего рода «эксперименталь-

ной» социальной группой, которая принимает на себя те или иные вызовы времени. Постоянно меняющаяся, «текучая» реальность современного города учит молодежь не быть привязанной «раз и навсегда» к определенным вариантам жизненного пути и системам норм. Новые поколения нередко критически оценивают то, что ранее считалось незыблемыми маркерами взрослости (получение единственного профессионального образования, достижение финансовой самостоятельности, брак), понимая, что сегодня «игру с жизнью» выигрывает тот, кто способен максимально быстро, буквально на ходу перестроить привычный жизненный маршрут. Важно подчеркнуть, что в ситуации крайней неопределенности, в которой находится существующий мировой порядок, можно ожидать влияния непрогнозируемых эмерджентных эффектов на жизненные траектории молодежи в будущем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гурко Т. А. Теоретические подходы к изучению семьи. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИС РАН, 2016.

Елкина О. Векторы солидаризации молодежи: ценностный аспект // Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности / сост. и науч. ред. Е. Л. Омельченко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 181—197. DOI: 10.17323/978-5-7598-2128-1_181-197.

Константиновский Д. Л., Абрамова М. А., Вознесенская Е. Д., Гончарова Г. С., Костюк В. Г., Попова Е. С., Чередниченко Г. А. Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования. М.: ЦСП и М, 2015. 232 с.

Кулева М., Субботина Ю. Культурные предпочтения современной российской молодежи (на примере городов: Санкт-Петербург, Ульяновск, Казань, Махачкала) // Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности / сост. и науч. ред. Е. Л. Омельченко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 198—226. DOI: 10.17323/978-5-7598-2128-1_198-226.

Митрофанова Е. С. Модели взросления разных поколений россиян // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6. № 4. С. 53—82. DOI: 10.17323/demreview.v6i4.10427.

Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности / сост. и науч. ред. Е. Л. Омельченко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 502 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-2128-1.

Радаев В. В. Миллениалы: как меняется российское общество. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-1985-1.

Торотоева А. М. Дауншифтинг как альтернативная модель успешности (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. 2020. № 2. С. 18—26. DOI: 10.31249/rsoc/2020.02.03.

Ядов В. А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе // Кто и куда стремится вести Россию? / под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001. С. 310—319.

Ядова М. А. Образовательные и профессиональные стратегии постсоветской молодежи // Россия и современный мир. 2017. № 2. С. 91—104. DOI: 10.31249/rsm/2017.02.06.

Arnett J. J. Emerging Adulthood: A Theory of Development from the Late Teens Through the Twenties // American Psychologist. 2000. Vol. 55. No. 5. Pp. 469—480.

Basit T. N. «My Parents Have Stressed That Since I Was a Kid»: Young Minority Ethnic British Citizens and the Phenomenon of Aspirational Capital // Education Citizenship and Social Justice. 2012. Vol. 7. No. 2. Pp. 129—143. DOI: 10.1177/1746197912440857.

- Castells M.* The Rise of the Network Society. Malden, Mass.: Wiley-Blackwell, 2012. DOI: 10.1002/9781444319514.
- Chambers D.* A Sociology of Family Life: Change and Diversity in Intimate Relations. Cambridge: Polity, 2012.
- Esping-Andersen G.* The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity Press, 2015.
- Hu A., Cairns D.* Hai Gui or Hai Dai? Chinese Student Migrants and the Role of Norwegian Mobility Capital in Career Success // *Young*. 2017. Vol. 25. No. 2. Pp. 1—16.
- L'Afrique des individus itinéraires citadins dans l'Afrique contemporaine (Abidjan, Bamako, Dakar, Niamey) / Ed. by A. Marie. Paris: Kathala, 1997.
- Mainiero L. A., Sullivan S. E.* The Opt-Out Revolt: Why People Are Leaving Companies to Create Kaleidoscope Careers. Mountain View (CA): Davies-Black, 2006.
- Martial A.* Paternités contemporaines et nouvelles trajectoires familiales // *Ethnologie française*. 2012. Vol. 42. No. 1. Pp. 105—116. DOI: ff10.3917/ethn.121.0105.
- Orgad Sh.* The Cruel Optimism of «The Good Wife»: The Fantastic Working Mother on the Fantastical Treadmill // *Television and New Media*. 2017. Vol. 18. No. 2. Pp. 165—183. DOI: 10.1177/1527476416652483.
- Oshima M.* The Transition from School to Work: The Role of Job Placement Assistance Provided by Schools // *Social Science Japan Newsletter*. 2012. No. 47. Pp. 22—25.
- Portes A.* Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology // *Annual review of sociology*. 1998. Vol. 24. Pp. 1—24.
- Quand l'École est finie: Premiers pas dans la vie active / coord. par P. Rouaud, O. Joseph. Paris: Cérq, 2014.
- Serracant P.* The Impact of the Economic Crisis on Youth Trajectories: A Case Study from Southern Europe // *Young*. 2015. Vol. 23. No. 1. Pp. 39—58. DOI: 10.1177/1103308814557398.
- Walther A.* Regimes of Youth Transitions: Choice, Flexibility and Security in Young People's Experiences across Different European Contexts // *Young*. 2006. Vol. 2. No. 14. Pp. 119—139. DOI: 10.1177/1103308806062737.
- Youth & COVID-19: Impacts on Jobs, Education, Rights and Mental Well-Being: Survey Report. Geneva: ILO, 2020.

Research Article

Maiya A. Yadova✉

Candidate of Sociology, Head of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. 51/21, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117418, Russia;
e-mail: m.yadova@mail.ru

**LIFE TRAJECTORIES OF URBAN YOUTH IN RUSSIA
AND FOREIGN COUNTRIES**

Abstract. The article is devoted to the specifics of the life trajectories of urban youth in Russia and foreign countries. The author, based on the results of a number of social studies, points out key trends in the maturation of modern urban youth: lengthening of the transit period from adolescence to adulthood, freedom to choose the life path, de-standardization and non-linearity of life trajectories, orientation towards higher education. It is shown that certain regional and socio-cultural conditions of life influence the patterns of growing up in the post-modern era. For Russians living in the capital and big cities, the model of growing up, which is similar to the general European model, is typical. The process of growing up in small towns has a special characteristic. Attention

is paid to the social and personal resources that contribute to success; new concepts that complement the theory of social capital are explored. Alternative models of success in Russian society and abroad are analyzed. The author proposes to consider Russian cities as a socio-cultural phenomenon that contributes to the formation of a particular system of values, attitudes and behavioral attitudes; this often allows us to talk about a unique value portrait of young people living in a particular city.

Keywords: urban youth, Millennials and generation Z, Russian youth, growing-up trends, life trajectories.

For citation: Yadova M. A. (2023) Life trajectories of urban youth in Russia and foreign countries. *Sotsiologiya Goroda* [Urban Sociology], no. 1, pp. 20—29 (in Russian). DOI: 10.35211/19943520_2023_1_20

REFERENCES

- Arnett J. J. (2000) Emerging Adulthood: A Theory of Development from the Late Teens Through the Twenties. *American Psychologist*, vol. 55, no. 5, pp. 469—480.
- Basit T. N. (2012) «My Parents Have Stressed That Since I Was a Kid»: Young Minority Ethnic British Citizens and the Phenomenon of Aspirational Capital. *Education Citizenship and Social Justice*, vol. 7, no. 2, pp. 129—143. DOI: 10.1177/1746197912440857.
- Castells M. (2012) *The Rise of the Network Society*. Malden, Mass.: Wiley-Blackwell. DOI: 10.1002/9781444319514.
- Chambers D. (2012) *A Sociology of Family Life: Change and Diversity in Intimate Relations*. Cambridge: Polity.
- Elkina O. (2020) The Vectors of Youth Solidarization: A Value Aspect. *Molodezh' v gorode: kul'tury, stseny i solidarnosti* [Omelchenko E. (ed.) Youth in the City: Cultures, Scenes and Solidarities]. Moscow: HSE Publishing House. Pp. 181—197. DOI: 10.17323/978-5-7598-2128-1_181-197 (in Russian).
- Esping-Andersen G. (2015) *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Polity Press.
- Gurko T. A. (2016) *Teoreticheskie podkhody k izucheniyu sem'i* [Theoretical Approaches to Family Studies]. Moscow: IS RAN, 2016 (in Russian).
- Hu A., Cairns D. (2017) Hai Gui or Hai Dai? Chinese Student Migrants and the Role of Norwegian Mobility Capital in Career Success. *Young*, vol. 25, no. 2, pp. 1—16.
- Konstantinovskiy D. L., Abramova M. A., Voznesenskaya E. D., Goncharova G. S., Kostyuk V. G., Popova E. S., Cherednichenko G. A. (2015). *Novye smysly v obrazovatel'nykh strategiyakh molodezhi: 50 let issledovaniya* [New Meanings in Educational Strategies of Youth: 50 Years of Research]. Moscow, 2015. 232 p. (in Russian).
- Kuleva M., Subbotina Yu. (2020) Cultural preferences of modern Russian youth (on the example of cities: Saint-Petersburg, Ulyanovsk, Kazan, Makhachkala). *Molodezh' v gorode: kul'tury, stseny i solidarnosti* [Omelchenko E. (ed.) Youth in the city: cultures, scenes and solidarities]. Moscow, 2020. Pp. 198—226. DOI: 10.17323/978-5-7598-2128-1_198-226 (in Russian).
- Mainiero L. A., Sullivan S. E. (2006) *The Opt-Out Revolt: Why People Are Leaving Companies to Create Kaleidoscope Careers*. Mountain View (CA): Davies-Black.
- Marie A. (ed.) (1997) *L'Afrique des individus itinéraires citoyens dans l'Afrique contemporaine* (Abidjan, Bamako, Dakar, Niamey). Paris: Kathala.
- Martial A. (2012) Paternités contemporaines et nouvelles trajectoires familiales. *Ethnologie française*, vol. 42, no. 1, pp. 105—116. DOI: 10.3917/ethn.121.0105.
- Mitrofanova E. S. (2019) Models of the Transition to Adulthood of Different Russian Generations. *Demographic Review* [Demograficheskoe obozrenie], vol. 6, no. 4, pp. 53—82. DOI: 10.17323/demreview.v6i4.10427 (in Russian).

Omelchenko E. L. (ed.) (2020) *Molodezhb' v gorode: kul'tury, stseny i solidarnosti* [Youth in the city: cultures, scenes and solidarities]. Moscow, 2020. DOI: 10.17323/978-5-7598-2128-1_6-28 (in Russian).

Orgad Sh. (2017) The Cruel Optimism of “The Good Wife,,: The Fantastic Working Mother on the Fantastical Treadmill. *Television and New Media*, vol. 18, no. 2, pp. 165—183. DOI: 10.1177/1527476416652483.

Oshima M. (2012) The Transition from School to Work: The Role of Job Placement Assistance Provided by Schools. *Social Science Japan Newsletter*, no. 47, pp. 22—25.

Portes A. (1998) Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology. *Annual Review of Sociology*, vol. 24, pp. 1—24.

Radaev V. V. (2019) *Millenialy: kak menyaetsya Rossiiskoe obshchestvo* [Millennials: How the Russian Society Changes]. Moscow, 2019. 224 p. DOI: 10.17323/978-5-7598-1985-1 (in Russian).

Rouaud P., Joseph O. (2014) *Quand l'École est finie: Premiers pas dans la vie active*. Paris: Céreq.

Serracant P. (2015) The Impact of the Economic Crisis on Youth Trajectories: A Case Study from Southern Europe. *Young*, vol. 23, no. 1, pp. 39—58. DOI: 10.1177/1103308814557398.

Torotoeva A. M. (2020) Downshifting as an Alternative Model of Success. (Review). *Sotsial'nye i Gumanitarnye Nauki. Otechestvennaya i Zarubezhnaya Literatura. Seriya 11: Sotsiologiya* [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology], no. 2, pp. 18—26. DOI: 10.31249/rsoc/2020.02.03 (in Russian).

Walther A. (2006) Regimes of Youth Transitions: Choice, Flexibility and Security in Young People's Experiences across Different European Contexts. *Young*, vol. 2, no. 14, pp. 119—139. DOI: 10.1177/1103308806062737.

Yadov V. A. (2001) Social Resource of Individuals and Groups as Their Capital: An Applicability of the Universal Methodology of the Study of Real Stratification in Russian Society. *Kto i kuda stremitsya vesti Rossiyu?* [Zaslavskaya T. I. (ed.) Where Is Russia Going?]. Moscow, 2001. Pp. 310—319 (in Russian).

Yadova M. A. (2017) The Educational and Professional Strategies of the PostSoviet Youth. *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the contemporary world], no. 2, pp. 91—104. DOI: 10.31249/rsm/2017.02.06.

Youth & COVID-19: Impacts on Jobs, Education, Rights and Mental Well-Being: Survey Report (2020). Geneva: ILO.

Поступила в редакцию 16.03.2023

Принята в печать 29.03.2023

Received 16.03.2023

Accepted for publication 29.03.2023